

Мифологизм в лирике мордовского поэта Раи Орловой

С. В. Шеянова

*Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
sheyanovas@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена исследованию проблемы проникновения мифологического сознания в мордовскую женскую литературу. Предметом исследования является специфика репрезентации архаического мировидения в лирике Р. Орловой.

Цель: выявить особенности авторской интерпретации и индивидуально-творческого воплощения элементов мифологического сознания в лирике Р. Орловой.

Материалы исследования: стихотворения Р. Орловой.

Результаты и научная новизна. В лирике Р. Орловой тенденция к мифоцентричности, ориентированность на архаическое сознание мордовского народа обусловлены мировосприятием автора, для которого важны первоисточки национальной культуры, элементы религиозной мифологии эрзян и мокшан. Мифологический контекст в творчестве поэта способствует отражению национальной действительности, уникальной этнической философии, а также осмыслению сложных вопросов онтологического, философского содержания. Авторская рецепция мифопоэтической схемы бытия наблюдается на мотивно-образном, семантическом, стилистическом уровнях лирического текста. Отражению особенностей архаического сознания способствуют национально-культурные архетипы, анимализация и антропоморфизация явлений окружающей среды, идея единства человека и природы, космологические мотивы, мифологизация пространственно-временного хронотопа (топоса детства), авторская рефлексия значимых в народном сознании категорий (память, дом, род), системы бинарных оппозиций (природа / цивилизация) сквозь архаические принципы мышления, утверждение гармонизирующей ипостаси мифологической ментальности. Отмечается, что поэт в целом сохраняет традиционное восприятие и трактовку религиозно-мифологических образов, национально-культурных универсалий, при этом в авторской концепции они направлены на решение насущных проблем современной действительности. Научная новизна статьи определяется тем, что лирика Р. Орловой впервые становится объектом специального исследования в аспекте мифологизма.

Ключевые слова: мордовская женская лирика, Раи Орлова, лирическая героиня, мифологическое сознание, мифологический образ, мифопоэтика

Для цитирования: Шеянова С. В. Мифологизм в лирике мордовского поэта Раи Орловой // Вестник угроведения. 2026. Т. 16. № 1 (64). С. 118–126.

Mythologism in the lyrics of the Mordovian poet Raya Orlova

S. V. Sheyanova

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
sheyanovas@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article is devoted to the study of the problem of the penetration of mythological consciousness into Mordovian women's literature. The subject of this research is the specificity of the representation of the archaic worldview in the lyrics of R. Orlova.

Objective: to identify the features of the author's interpretation and individual creative embodiment of elements of mythological consciousness in R. Orlova's lyrics.

Research materials: poems by R. Orlova.

Results and novelty of the research: in R. Orlova's lyrics, the tendency towards mythocentrism and focus on the archaic consciousness of the Mordovian people are determined by the author's specific worldview, which emphasizes the origins of national culture and the elements of the religious mythology of the Erzya and Moksha peoples. The actualization of the mythological context in the poet's work contributes to the reflection of the national world model, the unique ethnic philosophy of life, and the comprehension of complex issues of ontological and philosophical content. The author's reception of the mythopoetic scheme of existence is observed at the motivational, figurative, semantic, and stylistic levels of the lyrical text. National and cultural archetypes, the animalization and anthropomorphization of environmental phenomena, the idea of the unity of man and nature, cosmological motifs, the mythologization of the spatial-temporal chronotope (the topos of childhood), the author's reflection on categories significant in the folk consciousness (memory, home, family), and the system of binary oppositions (nature/civilization) through the archaic principles of thinking all contribute to the reflection of the features of the archaic consciousness. It is noted that the poet generally retains the traditional perception and interpretation of religious and mythological images and national and cultural universals, while the archaic discourse is expanded by the implication of pressing issues of contemporary reality. The scientific novelty of the article lies in the fact that R. Orlova's lyrics are the subject of a special study in the aspect of mythologism for the first time.

Key words: Mordovian women's lyrics, Raya Orlova, lyrical heroine, mythological consciousness, mythological image, mythopoetics

For citation: Sheyanova S. V. Mythologism in the lyrics of the Mordovian poet Raya Orlova // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2026; 16 (1/64): 118–126.

Введение

Исследование мифологизма, мифологем как «вечных универсалий человеческой жизни и бытия» [4, 33] в творчестве отдельных авторов, мифопоэтических особенностей текста является одним из продуктивных направлений современного литературоведения. Ключевые представления о процессе мифологизации литературы были сформулированы С. С. Аверинцевым, Ю. М. Лотманом, Е. М. Мелетинским, В. Н. Топоровым, О. М. Фрейденберг, В. Е. Хализевым и др. В научной концепции А. Ф. Лосева, мифологизм – универсальная категория мышления, поскольку каждая культура является порождением тех или иных мифов. Проявления мифологизма он находит в литературе разных эпох – от «Фауста» Гёте до произведений советского периода: «Мифология – всегда и везде, начиная с первобытных времён и кончая последней современностью» [6, 566]. Такие черты, как «максимальная обобщённость образа и максимально ярко выраженная физическая её данность, субстанциальное тождество идеального и материального, отсутствие разницы естественного и сверхъестественного» позволяют ему определить мифологию как «один из типов реализма» [6, 566, 570]. По сути, миф воспринимается объективной реальностью, необходимой категорией мысли и жизни, в которой нет ничего случайного, ненужного или выдуманного.

В современном литературоведении термины «мифологизм», «мифопоэтика» обрели статус общенаучных, хотя их употребление намного опережает теоретическую разработанность этих понятий. В настоящее время находим различные, порой противоречащие друг другу их дефиниции, что свидетельствует о сложности, многогранности проблемы мифологического и одновременном научном интересе к ней. Так, С. Д. Титаренко под мифопоэтикой понимает «творческие стратегии и практики, основанные на таких принципах мышления и художественной обработки архаических схем представления (архетипов), которые дают возможность реставрации мифологических и символических жанров, сюжетов, мотивов и образов, укоренённых в памяти человечества, и создания уникальной семантически значимой для культурной и гуманистической традиции системы новых» [17, 18]. К. Н. Паранук рекомендует пользоваться термином «мифопоэтика» с оговоркой, поскольку, по её мнению, «мифотворчество содержит в себе лишь бессознательно-поэтическое начало, а значит, приме-

нительно к мифу нельзя говорить о собственно художественных приёмах, средствах выразительности, стиле, как объектах поэтики» [14, 8].

Феномен поэтической мифологизации, функционально-семантические особенности мифа в структуре авторского текста осмыслены в работах зарубежных исследователей [22; 23; 24; 25; 26]. Специфика преломления мифологической картины мира в национальных литературах, различные способы воплощения архаического мировосприятия, индивидуально-творческие принципы мифологизирования, стратегия мифотворчества отдельных авторов рассмотрены в работах Л. В. Бабкиной [3], И. В. Булгутовой [4], К. Н. Паранук [14], И. В. Софроновой [16], Ю. Г. Хазанкович [18], Р. Х. Шаряфетдинова [20], Н. М. Юсуповой [21] и др.

В финно-угорском литературоведении сложился определённый опыт изучения мифологического контента и его творческого воплощения в литературном произведении, что подтверждается работами Ю. Г. Антонова [1], А. А. Арзамасова [2], Н. В. Ильиной [5], А. В. Камитовой [7], Е. В. Косинцевой [8], Е. В. Пантелеевой [13], Е. Н. Рымаревой [15], Е. А. Хорошевой [19] и др. Однако обозначенная научная проблема нуждается в дальнейшей разработке, что обусловлено динамикой литературного процесса.

Актуальность статьи определяется тем, что последовательное решение вопросов проникновения мифологического дискурса в литературное творчество, изучение мифопоэтики произведений отдельных авторов имеет не только литературоведческое, но и социально-культурологическое значение, поскольку именно в обращении к мифосознанию видится путь к сохранению национальной идентичности в современных условиях глобализации. Также важно проследить специфику интерпретации мифологического кластера в женской лирике, обусловленность его рецепции ментальными качествами автора-женщины.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили стихотворения Р. Орловой из сборников «Цёнгат» («Острова») [10], «Сорга» («Серёжка») [12], «Пизёлонь каштаз» («Рябиновый венок») [9], «Письма странницы» [11].

В работе использованы традиционные методы литературоведческого анализа: структурно-семантический, метод целостного анализа художественного текста, а также интерпретационный и гендерный подходы.

Результаты

В мордовской литературе интерес к мифологическим формам мышления как наиболее древним пластам этнической культуры активизируется на рубеже XX–XXI вв., что обусловлено общественно-политическими обстоятельствами рубежной эпохи, апокалиптическими настроениями, критическим мировосприятием социума, поиском национальной идентичности, стремлением определить генезис и историческую судьбу народа. Индивидуально-творческое мировосприятие мокшанского поэта Р. Орловой коррелирует с архаической структурой мироздания, что отражается в сакрализации, антропоморфизации природной среды, анимализации явлений окружающей действительности, в рецепции элементов сложного комплекса религиозно-мифологических воззрений народа, импликации архетипических образов, этнокультурных универсалий.

Сакрализация природы

Мифопоэтическая модель мира в поэзии Р. Орловой основывается на идее единства человека и природного мира, в соответствии с чем природные стихии и явления в её произведениях одушевляются, олицетворяются, воспринимаются таинственной, суровой, непреодолимой, всепроникающей стихией, растворённой во вселенной и определяющей бытие человека. Важнейшими пространственными слагаемыми мироздания выступают небо и земля, которые представляются субъекту сакрализованным хронотопом, а природно-пространственные образы наделяются религиозно-мистической ипостасью, что обуславливает преклонение перед ними, их благодарение: «Спасибо тебе, солнце красное! / Спасибо, зоренька ясная! / Спасибо, земля-Масторавушка, / Спасибо, небо высокое, / За голубень синеокую, / За пение птиц в дубравушке» [11, 6]. Божественная семантика природных архетипов передаётся на ритмико-интонационном уровне – уходящая своими корнями в мифологию и фольклор анафора усиливает сакральное звучание строфы.

Антропоморфизация природы

В стихотворении «Варматне» («Ветры») антропоморфизированный образ природной стихии несёт в себе традиционную символическую коннотацию универсальной метафизической силы, управляющей миром, при этом дополняется авторской семантикой регулятора насущных

проблем современности (вымирание села, разрушение деревенских домов, высыхание природных источников), модератора между вселенной и эмоционально-психологическим состоянием героини: «*Шачема ширезень варманза эняльдихть куду мрдамс, / Шачема велезень паксянза эняльдихть тевс кундамс, / И лихтибрянза симомс монь кядьстон анайхть, / И Карьхья тяитсь веньберьф варяв кудбрызонк ваны. / Мес аф сокавихть-видевихть моданьке? / Павазонь вешема ломаттне ардыхть мянь масторт пес? / Мес? Мес варматне пряснон лувсазь ломаньда виикс? / Мес пацяненъ вийсна аф сатыхть сень менельти лиемс? / Варматне! Варматне! Пялясне, лиеда эряза тяза! / Ломаттненъ сталмотне, корхтайть, тисазь виикс-тазакс. / Лездеда, эшентьфтеть ваймозень, ризфса палыть, / Ворьфтеть монь седизень тялонь садс, фальхненъ алу...»¹ [12, 96–97] ‘Ветры моей родины просят домой вернуться, / Поля родного села просят за дело взяться, / И родники напиться у меня просят, / И Большая Медведица всю ночь на прохуdivшуюся крышу моего дома смотрит. / Почему не пахутся, не сеются наши земли? / За счастьем люди едут аж на край земли? / Почему? Почему ветры считают себя сильнее человека? / Почему силы моих крыльев не хватает взлететь к синему небу? / Ветры! Ветры! Оставайтесь жить здесь! / Тяжести, говорят, делают людей сильнее-здоровее. / Помогите, остудите мою душу, в боли пылающую, / Бросьте моё сердце в зимний сад, в сугробы...’. Как видим, ветер сопряжён с разными локусами (родная деревня героини, невспаханные поля, ночное небо, прохуdivшаяся крыша отчего дома). Далее пространственно-временная коннотация разрушается в соответствии с авторской мировоззренческой философией природы – ветер, всепроникающая сущность, преобразующая, гармонизирующая сила привлекается героиней к решению социальных, бытовых, экзистенциальных вопросов, поскольку лишь он способен «остудить пылающую в боли душу» героини, сделать общество «сильным, здоровым».*

В мифологической культуре традиционным является восприятие природы через концепт «свой». В лирике Р. Орловой это эксплицировано посредством персонификации реалий природного мира. В произведении «*Мон шачень козя сёксень менель ала...*» («Я родилась под тусклым осенним небом...») естественная среда не только является

¹ Перевод подстрочный, выполнен автором статьи. – С. Ш.

идиллическим гармоничным пространством, символической колыбелью, природные явления и стихии взрастили героиню: «*Мон шачень козя сёк-сень менель ала, / Вирь мацихне срхкафтольхть оцю кис, / Ужяльдезь келусь ацась лопат прялон, / Шра лангса озонтфоль од сёронь кишись. / Нюрямозень люкафнезь сюдемф вармат, / И педесь вярде Заря оцю тяштсь, / Сяс рана сяньге шарьхкодема кармань, / Мес пиземсь стихонц сельMOVEDЬСА тяштсь. / Иляденьшовор вирь-хне тошказь ёфкссион, / А келутне вятнесть хоровотт. / И наряжав Вирявась китишендсь ётксонк*» [9, 43] ‘Я родилась под тусклым осенним небом, / Лесные гуси собирались в дальнюю дорогу, / Берёза с жалостью подложила листья мне под голову, / На столе стоял хлеб из нового урожая. / Меня укачивали присмирившие ветры, / И смеялась сверху Заря, большая звезда, / Поэтому рано понимать я стала, / Что дождь стихи свои писал слезами. / Вечерами леса шептали свои сказки, / А берёзы водили хороводы, / И нарядная Вирява плясала среди них’. Автор персонифицирует значимые в мифологической картине мира мордвы образы гуся (Иненармунь), берёзы, ветра, зари, дождя, леса, взаимодействие с которыми благоприятно отражается на героине.

Посредством национально-природных архетипов конструируется родной, «свой» для героини пространственный топос. Так, олицетворённый образ берёзы, в народном сознании – священное дерево, ассоциирующееся с «мировым древом», наделяется гендерными чертами заботливой женщины. Ветер в мифологической картине непобедимая, порой жестокая стихия, обладает положительной коннотацией – укладывает героиню, астрономический образ Зари покровительствует ей (частотный мотив у поэта); олицетворение леса как сакрального пространства, генетически соотнесённого с этносом – традиционный приём у национальных авторов, а метафоризация дождя как символа творчества – оригинальное авторское решение. В подтексте строки «На столе стоял хлеб из нового урожая» присутствует мотив «земли-кормилицы», включённый в архетип сознания народа, что проявляется в благоговейном отношении к земле как к залогому благополучия, стабильности. Персонификация мифологических образов отражает философию единства человека и природы, особенности этнической ментальности, традиционные культурные коды, свойственную мокшанам и эрзянам экологичность сознания.

Религиозно-мифологические воззрения

Архаические формы мировосприятия отражаются в лирическом тексте Р. Орловой «Жаворонкат» («Жаворонки»), в котором лирически возрождается элемент календарно-обрядовой культуры мордвы – зазыв или приветствие весны, ключевым действием которого является выпекание булочек в виде птиц, универсальных символов в традиционном мировоззрении эрзян и мокшан. Главную роль в символическом пробуждении природы играли девушки и молодые женщины (обусловлено народными представлениями о женской природе земли), которые выносили выпечку на улицу, поднимали руки вверх и произносили призывы-заклинания. Р. Орлова сохраняет стилистику календарно-обрядовой песни: «*Жаворонкат, сада! Сада сей! / Лямбе ведня кандода! Катк ляйсонк / Солай эчке кедь-ме-кельме эйсь. / Жаворонкат, сада! Садай сей!*» [12, 21] ‘Жаворонки, прилетайте! Прилетайте сюда! / Тёплую воду приносите! / Пусть в реке / Растает толстый холодный-холодный лёд. / Жаворонки, прилетайте! Прилетайте сюда!’. При этом трансформируется характерное для архаического сознания восприятие природы как субъекта, на первый план выносятся личностное начало, природа становится фоном для автобиографических воспоминаний героини. Религиозно-мифологический контекст дополняется идиллическим хронотопом детства, соотнесённым с архетипическими образами отчего дома («*Тольса вельхтяф варяв кардабря*» ‘Покрытая рубероидом прохуdivшаяся крыша дома’), матери («*Жаворонкат тядянязе пицесь, / Шапакс пакшикат, салса-ведьса ичфт*» ‘Жаворонки мама испекла, / Куски теста, в соли-воде замешанные’). Магические действия, сакрализация птиц разбавляются характерной для авторского стиля манифестацией философской мысли («*Пинге максф, штоб аруявтомс ваймоть. / Пинге максф пчкафтомс седить, прять*» ‘Жизнь дана, чтоб очистить душу, Жизнь дана излечить сердце, мысли’ [12, 21]). Таким образом в произведении имплицитно авторская модель мира, в которой ценны базовые этнические понятия и общечеловеческие смыслы.

В творчестве Р. Орловой специфически отражаются элементы религиозной мифологии мордвы, поскольку в художественной мирорекальности поэта прослеживается синкретизм двух религиозно-мифологических систем (православия и древнемордовского язычества).

Лирическая героиня – глубоко верующая женщина, в её мировосприятии христианские духовные ценности занимают высшее место в системе общечеловеческих универсалий, одновременно для неё значимы религиозные представления народа, посредством чего происходит осознание национальной идеи, этнической картины мира, утверждение уникальности своего этноса. В итоге формируется особый православно-языческий мир, в котором магическая целостность язычества модифицируется, дополняется христианским учением. В стихотворении «Энялдан Шкайти» («Прошу Шкаю») христианские и мифологические персонажи перемежаются между собой, действуют в одном пространственно-временном измерении, их борьба отражает эмоционально-психологическое состояние героини: «Потмосон эряй Шкайти / Инксон ульсь пелькс аф весть. / Озондан менельста Сайти: / «Потмосон валдопк веть». / Тейнь акша паця ангель / Аноклась пара тефт. / Мархтонза шяйтанць сягадсь, / Марась монь кизонь кефт. / Ваймонь короды ангель / Виенза савор кирсть. / Оржа налсонзо сялгондсь / Эряфсь. Вальс эсон кирдсь. / Шкайт валоц фалу лезнесь, / Кемеши эзон сюлмась, / Панезе шяйтанть эздон, / Равжа вийсь срадсь-юмась...» [10, 33] ‘Живущему внутри меня Шкаю / Не раз было боязно за меня. / Молюсь Пришедшему с неба: / “Освети ночь внутри меня”. / Мне ангел, белое крыло, / Уготовил добрые дела. / С ним поспорил демон, / Нагромоздил на моём пути камни. / У оберегающего душу ангела / Силы медленно иссякли. / Острыми стрелами закрепила / Жизнь. Слово меня держало. / Слова Шкая всегда помня, / Вера меня окружила, / Отогнала от меня демона, / Чёрная сила развеялась-исчезла’. Образы Шкая, ангела, демона наполняются онтологической семантико-символической нагрузкой – отражают извечное противостояние добра и зла, света и тьмы, силы и слабостей человеческой природы.

У Р. Орловой божества языческого пантеона порой христианизируются (к примеру, не проводится дифференциация между Шкаем и Господом / Христом), что свидетельствует о влиянии православия на этническую религиозность автора. При этом в тексте сохраняются элементы архаического миропонимания – рефлексивное восприятие бытия, типичное состояние зависимости человека от среды, присущая представителям мордовского народа система ценностей и смысловых отношений. Молитва лирической героини обращена к Шкаю, верховному божеству,

который определяет не только жизнь и судьбу человека, но и взаимоотношения в обществе: «Мон кровьястян фкя штатолня Шкаенди: / “Макст вень якайхненди, Шкайнай, валдоня. / Седи озафкс, Шкайнай, макст ризнайхненди. / Ванды няемс тейне макст шивалдонять...” / И мьзярс штатолозе палонды, / Анан, анан Шкаенть кядьста сембонди: / Эрямс ладязь, аф тюрезь-аф сялондозь, / Солаль кяжсь, и ломань ванфне лямбондельхть. / Палы, палы Шкаень Толня ваймосон, / Эсь ки лангсон монцень Крезозень каннеса. / Масторлангса пинге аяш ваймосемс, / Тяса менель Тяштенязень ваннеса» [10, 60] ‘Я зажгу одну свечу Шкаю: “Дай путникам в ночи, Шкай, свет. / Сердечное спокойствие, Шкай, дай страждущему. / Завтра увидеть дай дневной свет...” / И пока моя свеча горит, / Прошу, прошу у Шкая для всех: / Жить в ладу, без борьбы, без ругани, / Растаяло бы зло, и взгляды людей потеплели. / Горит, горит свет Шкая в моей душе, / На своём пути несу свой Крест. / На Земле нет времени для отдыха, / Здесь рассмотрю свою небесную Звезду’. Саморефлексия героини, её откровения о духовном, восприятии божественного начала соотносятся с проблемами психологического содержания (поиск внутренней гармонии), вопросами межличностной коммуникации (возможность диалога, мирного сосуществования в социуме), перерастающими в манифестацию с онтологическим смыслом (добро спасёт человеческие души, уникальность человеческой судьбы, устойчивость законов бытия). Развёрнутый религиозный контекст свидетельствует о том, что героиня остро реагирует на общественные, нравственно-этические проявления современной действительности.

Образы божеств

Спецификой мордовской мифологической картины мира является доминирование женских божеств, которые «управляют» природными явлениями или покровительствуют человеку в определённой сфере. Они являются архетипами языческого мышления эрзян и мокшан, составляют этнический культурный код. В лирике Р. Орловой божества сохраняют традиционную семантику и функциональность, что свидетельствует о значимости для поэта духовной связи с аутентичной культурой предков. При этом отметим, что в народном представлении божества наделяются как положительной, так и негативной коннотацией. У Р. Орловой мы обнаружили тексты, в которых они изображены лишь в созидающей своей ипостаси (способны на сочувствие человеку, воспри-

нимают его просьбу), поэт осознанно отвергает их разрушительную, агрессивную силу.

Характерно стихотворение «Юрхтавати» («Богине Рода»), в котором автор гиперболизирует способности, силу, определяющую роль покровительницы, защитницы рода Юрхтавы в жизни человека и семьи в целом: *«Панякуда-ла Юрхтавась – / Кудонь короды Шкайавась, / Кудонь ванфтысь, кудонь кирдись, / Миронь-ладонь, сторень китирдись, / Няйсы семботь лац. / Кудть аф кадсы вакс. / Тон, Юрхтава-матаняньке, / Ниле ужень кирдиняньке. / Юрхтаваняй-аванязят»* [10, 32] ‘На кухне Юрхтава – / Хранительница дома Богиня, / Дом оберегающая, дом держащая, / Мир-лад, нить прядущая, / Всё видящая. / Дом не оставит без внимания. / Ты, Юрхтава-милая, / Четыре угла держащая. / Юрхтавушка-матушка’. В народно-поэтической манере передана просьба к божеству: *«Ванить кальдявда идняньконь, / Кардса ракишаньконь тон ванфтыть / Сялги афпар сельмованфта»* [10, 32] ‘Огради детей от злого, / В хлеву скотину сохрани / От завидующего дурного взгляда’ [10, 32]. Экспликация мифологических персонажей обусловлена не только стремлением отразить древний религиозный контекст, специфику этнокультурной ментальности, но и авторским мировосприятием, в котором весомы концепты *память, род, дом, народ*.

Космологические мотивы

В космогонической миромодели мокшан и эрзян значимы не только божественные персонажи, но и звёзды, небесные светила, которые контролируют пространственно-временные связи, обуславливают жизнь и судьбу человека, покровительствуют ему. По мифологическим воззрениям мордвы, Шкай создал звёзды из собранных на земле камней, вследствие чего они обожествлялись и становились объектом поклонения. Имплицируя мифологическую рецепцию астрономических объектов, Р. Орлова стилизует, воссоздаёт архаический тип мышления. Характерно стихотворение «Одинокая звезда», эмоциональной кульминацией которого становится прошение покровительства от всеильной звезды. «Одна звезда маячит вдалеке. / Ей, вероятно, как и мне, не спится. / Смотрю и вижу дорогие лица, / Шагну туда без сборов, налегке, / Звезда далёкая, возьми к себе. / Вдруг там смогу кому-то пригодиться, / Коль суждено моим стихам родиться / О небе полуночном и тебе. / Звезда далёкая, спустись ко мне, / К обычной грешной женщине-землянке, / Мне рассудительность

нужна, мокшанке, / Холодности и гордости дай мне, / Без этого мне тяжело на земле. / Звезда далёкая, свети во мне!» [11, 81]. Образ звезды наполняется широкой смысловой нагрузкой: неизведанная космическая субстанция, божественное начало, знак, предопределяющий судьбу человека, одновременно наделяется антропоморфной ипостасью – предстаёт существом с человеческим мироощущением, способным воспринять волнующие героиню, типичные для современности гендерные, этические вопросы, моменты творческого вдохновения. Желание героини соприкоснуться со звездой, оказаться в неведомом бесконечном пространстве (космосе) отражает традиционное мифологическое миропонимание мордовского народа, наделявшего звёзды мистическим смыслом.

Оппозиция природа / город

Логика мифосознания сохраняется в произведениях Р. Орловой и на урбанистическую тему, в которых реализована архаическая по своим истокам оппозиция город / природа. *«Оцю ошса, оцю сери кудса / Оцю пичефкс эсон матрай-шяти. / Эрь ишнь тевозе ункстави Страшной Судса, / Ангелозе-идись эсон вяти... / А монь мялезе илядомс Белай Светти / Раса пунтерьксокс иль паксянь ёрнякс, / Менельть шамас ванонды ишнжаромакс, / Мокша авань сетьмонь кодай идень морнякс, / Валда тяштекс кельгихненди арамс...»* [10, 34]. ‘В большом городе, большом высоком доме / Большая боль на меня давит. / Каждый день начинается со Страшного Суда, / Мой Ангел-хранитель ведёт меня... / А моё желание остаться на Белом Свете / Капелькой росы или полевым перепелом, / На солнце смотрящим подсолнухом, / Тихой колыбельной мокшанки, / Светлой звездой для влюбленных...’. Лирическая героиня воспринимает и оценивает реалии городской жизни с точки зрения традиционного мировоззрения – они чужды и враждебны человеку, контрастируют с природными истоками. Урбанистические детали наделяются негативной семантикой, соотносятся с экзистенциальным состоянием непреходящей боли, одиночества, ассоциируются с понятиями загробного мира. Ощущение дискомфорта перерастает в глубокую психологическую проблему героини, что передаётся посредством градации. Природный образный ряд представлен традиционными образами ‘капельки росы’, ‘полевого перепела’, ‘подсолнуха’, ‘светлой звезды’, не связанный с ними конструкт ‘тихая колыбельная мокшанки’ отражает авторскую

рефлексию слитности национальной культуры и естественной среды. Колористический код пейзажа содержит оттенки жёлтого, серебристого, зелёного, символизирующие жизнь, свет, тепло. Таким образом, авторское восприятие природы как идиллического пространства соотносится с архаическими представлениями древней мордвы.

Обсуждение и заключение

Итак, мифологизм в лирике Р. Орловой является формой репрезентации особенностей творческого мировосприятия, способом реконструкции национальной модели мира, приёмом ренессанса утрачиваемой этнической идентичности, традиционной культурной сферы, средством фиксации ментальных качеств мордовского народа. Расширение мифопоэтического контекста актуализацией вопросов онтологического, социального, бытового содержания обусловлено авторской рефлексией насущных проблем современной действительности.

В творческом мировоззрении Р. Орловой прослеживается языческо-христианский синкретизм, её героиня – язычница, воспринимающая комплекс архаических, фольклорных представлений о мире, одновременно – современная женщина, христианка, осознающая греховность человеческой природы, что вызывает соотношение, а порой и взаимопроникновение в её сознании языческих образов и христианских элементов, предопределяет сложную семантическую нагрузку поэтических символов, образно-образительную морфологию.

В лирике Р. Орловой мифологизм обнаруживается на мотивно-образном (мифологемы, мифологические мотивы), семантическом (авторская интерпретация элементов архаического сознания мордовского народа), стилистическом (мифологический способ мышления) уровнях художественного целого. Поэт проводит индивидуально-авторскую идентификацию обладающих природой культурно-исторических универсалий или этнических архетипов образов Верховного бога мокшан Шкая, женских божеств, птиц (гусь, жаворонок), пространственных объектов (земля, небо, дерево). Характерный для архаического сознания мотив единства человека и природы реализован автором посредством концепта «свой», восприятие городской среды, наоборот, вызывает негативные эмоции, коннотацию отторжения и оформляется через дефиницию «чужой». Символическим центром мифологизма в стихотворениях Р. Орловой являются космогонические образы астрономических объектов – Луны, Солнца, Зари, Звезды (инварианты Покш ковш / Большая Медведица, Каргоньки / Млечный путь). Мифологический дискурс у Р. Орловой спроецирован на топос детства, хронотоп родного дома, архетипический образ матери, посредством него осмысливаются национально-культурные концепты и ценностные понятия. Мифологическая творческая интуиция поэта реализуется как с использованием традиционных символично-метафорических, ассоциативно-образных конструкций, так и оригинальных поэтических решений.

Список источников и литературы

1. Антонов Ю. Г. Мифофольклорный контекст драмы А. Пудина «Кордон» // Вестник Марийского государственного университета. 2019. Т. 13. № 1 (33). С. 55–61.
2. Арзамазов А. А. Мифологическая «персонология» современной удмуртской поэзии // Фольклорный текст: рубеж тысячелетий. Нальчик: Принт Пресс, 2021. С. 185–202.
3. Бабкинова Л. В. Мифо-фольклорные традиции в современной бурятской поэзии: на материале творчества Н. Нимбуева, Г. Раднаевой, Б. Дугарова: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2007. 129 с.
4. Булгутова И. В. Бурятская философская лирика: мифопоэтические основы и традиции: Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2017. 178 с.
5. Ильина Н. В. Художественный мифологизм бесермянского поэта М. Федотова в контексте удмуртской литературы 1980–1990-х годов: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2005. 188 с.
6. Лосев А. Ф. О мифологии и литературе // Ф. М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации. М.: Водолей, 2012. С. 564–570.
7. Камитова А. В. Репрезентация религиозно-мифологической картины мира удмуртов в поэзии В. Владыкина // Вестник угроведения. 2025. Т. 15. № 4 (63). С. 665–673.
8. Косинцева Е. В. Образ лебедя в хантыйской литературе // Вестник угроведения. 2016. № 3. С. 37–49.
9. Орлова Р. Пизёлонь каштаз (Рябиновый венок). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2005. 102 с.
10. Орлова Р. Цёнгат («Острова»). Саранск: [б. и.], 2008. 80 с.
11. Орлова Р. Письма странницы. Саранск: [б. и.], 2014. 104 с.
12. Орлова Р. Сорга (Серёжка). Саранск: [б. и.], 2014. 128 с.

13. Пантелеева Е. В. Солнце vs Луна в мифопоэтической картине мира удмуртского поэта-билингва Вячеслава Ар-Серги // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 2. С. 368–378.
14. Паранук К. Н. Мифопоэтика и художественный образ мира в современном адыгском романе: дис. ... д-ра филол. наук. Майкоп, 2006. 406 с.
15. Рымарева Е. Н., Резник Ю. В. Отражение национального мировоззрения этноса ханты в сборнике Е. Д. Айпина «У гаснущего очага» // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2025. Т. 40. № 3. С. 91–98.
16. Софронова И. В., Артемьев Ю. М., Владимирова О. Г. Поэтика мифологизма в поэме Н. Ижендея «Голос нерождённого ребёнка» // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2021. Т. 31. № 5. С. 1069–1076.
17. Титаренко С. Д. Мифопоэтика Вячеслава Иванова в контексте идей русского символизма: истоки, генезис, стратегии: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2013. 514 с.
18. Хазанкович Ю. Г. Мифологический код в поэме Георгия Поротова «Крылатый Кутх, или Песнь о любви» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 2. С. 57–60.
19. Хорошева Е. А. Символика астральных образов в романе Е.Д. Айпина «Ханты, или Звезда Утренней Зари» // Слово. Текст. Контекст. 2023. № 2 (14). С. 92–99.
20. Шаряфетдинов Р. Х. Мифопоэтика татарской литературы. М. Берлин: Директ-медиа, 2021. 168 с.
21. Юсупова Н. М., Гильманова М. Мифологические сюжеты в татарской поэзии второй половины XX века: особенности трансформации и функционирования. Филология и культура. 2025. № 4. С. 252–259.
22. Maerson Ph. Classical Mythology in Literature, Art and Music. New York: Wiley, 1971. 178 p.
23. Sellers S. Myth and Fairytale in Contemporary Women's Fiction. New York: Palgrave, 2001. 198 p.
24. Sharpless F. P. Symbol and Myth in Modern Literature. Rochelle Park (New Jersey): Hayden Book, 1976. 260 p.
25. Slochower H. Mythopoesis. Mythic Patterns in the Literary Classics. Detroit: Wayne State University, 1970. 446 p.
26. White J. J. Mythology in the Modern Novel. A Study of Prefigurative Techniques. Princeton: Princeton University Press, 1971. 231 p.

References

1. Antonov Yu. G. *Mifofol'klornyj kontekst dramy A. Pudina "Kordon"* [Mythological and folklore context of A. Pudina's drama "The Cordon"]. *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Mari State University], 2019, no. 13 (1), pp. 55–61. (In Russian)
2. Arzamazov A. A. *Mifologicheskaya "personologiya" sovremennoj udmurtskoj poezii* [Mythological "personology" of modern Udmurt poetry]. *Fol'klornyj tekst: rubezh tysyacheletij* [Folklore text: turn of the Millennium]. Nalchik, 2021. Pp. 185–202. (In Russian)
3. Babkinova L. V. *Mifo-fol'klornye tradicii v sovremennoj buryatskoj poezii: na materiale tvorcestva N. Nimbueva, G. Radnaevoj, B. Dugarova* [Mytho-folklore traditions in modern Buryat poetry: based on the works of N. Nimbuev, G. Radnaeva, B. Dugarov]. Irkutsk, 2007. 129 p. (In Russian)
4. Bulgutova I. V. *Buryatskaya filosofskaya lirika: mifopoeticheskie osnovy i tradicii* [Buryat philosophical lyric poetry: mythopoetic foundations and traditions]. Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2017. 178 p. (In Russian)
5. Ilyina N. V. *Khudozhestvennyj mifologizm besermyanskogo poeta M. Fedotova v kontekste udmurtskoj literatury 1980–1990-kh godov* [Artistic mythologism of the Besermyan poet M. Fedotov in the context of Udmurt literature of the 1980s–1990s]. Izhevsk, 2005. 188 p. (In Russian)
6. Losev A. F. *O mifologii i literature* [About mythology and literature]. *F. M. Dostoevskij i kul'tura Serebryanogo veka: traditsii, traktovki, transformatsii* [F. M. Dostoevsky and the culture of the Silver Age: traditions, interpretations, transformations]. Moscow: Vodolej Publ., 2012. Pp. 564–570. (In Russian)
7. Kamitova A. V. *Reprezentaciya religiozno-mifologicheskoy kartiny mira udmurtov v poezii V. Vladykina* [Representation of the religious and mythological picture of the world of the Udmurt people in the poetry of V. Vladykin]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2025, no. 15 (4/63), pp. 665–673. (In Russian)
8. Kosintseva E. V. *Obraz lebedya v khantyjskoj literature* [The image of a swan in Khanty literature]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2016, no. 3, pp. 37–49. (In Russian)
9. Orlova R. *Ryabinovyj venok* [The Rowan Wreath]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2005. 102 p. (In Moksha)
10. Orlova R. *Ostrova* [The Islands]. Saransk: [w/p], 2008. 80 p. (In Moksha)
11. Orlova R. *Pis'ma strannicy* [The Letters of a Wanderer]. Saransk: [w/p], 2014. 104 p. (In Russian)
12. Orlova R. *Serjozhka* [The Earring]. Saransk: [w/p], 2014. 128 p. (In Moksha)
13. Panteleeva E. V. *Solntse vs Luna v mifopoeticheskoy kartine mira udmurtskogo poeta-bilingva Vyacheslava Ar-Sergi* [Sun vs Moon in the mythopoetic picture of the world of the Udmurt bilingual poet Vyacheslav Ar-Sergi]. *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki* [Polylinguality and Transcultural Practices], 2023, no. 20 (2), pp. 368–378. (In Russian)
14. Paranuk K. N. *Mifopoetika i khudozhestvennyj obraz mira v sovremennom adygskom romane* [Mythopoetics and artistic image of the world in the modern Adyghe novel]. Maykop, 2006. 406 p. (In Russian)
15. Rymareva E. N., Reznik Yu. V. *Otazhenie natsional'nogo mirovozzreniya etnosa khanty v sbornike E. D. Ajpina "U gasnushchego ochaga"* [Reflection of national worldview of the Khanty ethnos in the collection "At the Dying Hearth" by Ye. D. Aypin]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki* [Herald of Dagestan State University. Series 2. The Humanities], 2025, no. 40 (3), pp. 91–98. (In Russian)
16. Sofronova I. V., Artemyev Yu. M., Vladimirova O. G. *Poetika mifologizma v poeme N. Izhendeya "Golos nerozhdyonnogo rebenka"* [Poetics of mythologism in N. Ijendey's poem "The Voice of the Unborn Child"]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Istoriya i filologiya"* [Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series], 2021, no. 31 (5), pp. 1069–1076. (In Russian)

17. Titarenko S. D. *Mifopoetika Vyacheslava Ivanova v kontekste idej ruskogo simbolizma: istoki, genezis, strategii* [Vyacheslav Ivanov's mythopoetics in the context of Russian symbolism: origins, genesis, and strategies]. Saint-Petersburg, 2013. 514 p. (In Russian)
18. Khazankovich Yu. G. *Mifologicheskij kod v poeme Georgiya Porotova "Krylatyj Kutkh, ili Pesn' o lyubvi"* [Mythological code in the poem "The Winged Kutkh, or the Chant of Love" by Georgy Porotov]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2020, no. 13 (2), pp. 57–60. (In Russian)
19. Khorosheva E. A. *Simvolika astral'nyh obrazov v romane E. D. Ajpina "Hanty, ili Zvezda Utrennej Zari"* [Symbols of astral images in the novel "The Khanty, or the Morning Dawn Star" by Ye. D. Aypin]. *Slovo. Tekst. Kontekst* [Word. Text. Context], 2023, no. 2 (14), pp. 92–99. (In Russian)
20. Sharyafetdinov R. Kh. *Mifopoetika tatarskoj literatury* [Mythopoetics of Tatar literature]. Moscow, Berlin: Direkt-media Publ., 2021. 168 p. (In Russian)
21. Yusupova N. M., Gilmanova M. *Mifologicheskie syuzhety` v tatarskoj poe`zii vtoroj poloviny` XX veka: osobennosti transformacii i funkcionirovaniya* [Mythological stories in Tatar poetry in the second half of the XX century: features of transformation and functioning]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture], 2025, no. 4, pp. 252–259. (In Russian)
22. Maerson Ph. *Classical Mythology in Literature, Art and Music*. New York: Wiley, 1971. 178 p. (In English)
23. Sellers S. *Myth and Fairytale in Contemporary Women's Fiction*. New York: Palgrave, 2001. 198 p. (In English)
24. Sharpless F. P. *Symbol and Myth in Modern Literature*. Rochelle Park (New Jersey): Hayden Book, 1976. 260 p. (In English)
25. Slochower H. *Mythopoesis. Mythic Patterns in the Literary Classics*. Detroit: Wayne State University, 1970. 446 p. (In English)
26. White J. J. *Mythology in the Modern Novel. A Study of Prefigurative Techniques*. Princeton: Princeton University Press, 1971. 231 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шеянова Светлана Васильевна, профессор кафедры мордовских языков и литературы, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), доктор филологических наук, доцент.

sheyanovas@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6504-3410

ABOUT THE AUTHOR

Sheyanova Svetlana Vasilyevna, Professor, Department of Mordovian Languages and Literature, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya St., 68), Doctor of Philological Sciences, Associate Professor.

sheyanovas@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6504-3410